

ОЛЕКСАНДР ХІНТ

Голіаф по розпеченій лаві йшов назустріч Давиду

Він бачив попереду тільки плями нерівної форми

лише плями та виблиски, крапельки, що виглядали так дивно мов сонячні знаки у калейдоскопі, сріблясті коми

коливання у точці, хвилясті шматочки гончарної глини

І збоку один, наближаючись, ближче і ближче, розкуто

наспівував щось несподіване «Слава... дзінь-дзінь... Україні»

То було останнє, що Голіафу вдалося почути
28.02.2022

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят:

– Куда мы катимся!

Я говорю:

– Зато какая скорость.

Мне говорят:

– Как тебе не стыдно жить, когда другие умирают.

Я говорю:

– Мне стыдно умирать, когда другие, которым гораздо хуже, живут.

Мне говорят:

– Ты не имеешь право на любовь.

Я говорю:

– Любовь, к счастью, об этом не знает.

Мне говорят:

– Найди врага и ненавидь его.

Я говорю:

– Я бы с радостью, но все время что-то мешает.

Мне говорят:

– Не надо о мире, когда кругом война.

Я говорю:

– Война, кругом марш! А мир, пожалуйста, останьтесь.

Мне говорят:

– Посмотри, наконец, правде в глаза.

Я говорю:

– Смотрю: там весна.

Мне говорят:

– Мы все умрем.

Я говорю:

– Вот и встретимся. Вот и продолжим беседу.

АННА МАЛИЦЬКА

«КОМЕНДАНТСЬКА ГОДИНА»

Тиша колись була затишна, нині ж – лячна.

Хочеться шумовиння дороги з відкритих вікон І бодай меншого звуку (тільки б не плачу).

І посмугованих відблисків фар на повіках.

Бо це – колискова вулиць, дихання міста,

Доказ того, що ніхто не зникне вночі нікуди

І ночі нема взагалі, бо вогнів намісто

Спростовує темряву.

Можливо, і ту, що – в людах.

Коли календар розпадається під хрестами, Якими рахують війну, ніч стає, як видих, І посеред неї, в своєму ліжку, ти до нестями Вслухаєшся в довгу пустку й фантомний вибух.

...Ми призвичаїємось – майже до стану «забути» – До напівмертвого міста в ліхтарній міді. Страшніше буде не спромогтись заснути, Поки під вікнами мирні машини ідуть.

07.04.2022

НАИЛЬ МУРАТОВ

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Я плыл на лодке, ветер дул мне в спину.

Девятый вал, как снежная лавина,

Из мрака мчался.

Бури глаз сиял

В кольце из туч, и был девятый вал

Еще не близок, но и не далек.

Воды спокойной малый островок

Вокруг меня казался слишком мирным –

Как поле, именуемое минным.

Но где та лодка? И была ль пучина,

И был ли вал, в которм все мы сгинем,

Отправившись до срока на покой,

Как щепки, унесенные водой?

Иносказанье, мысленный мираж,

Газеты арестованный тираж

И чувства уничтоженного ноша,

И гость, который был тобой не прошен, –

Все это мелочи в масштабе бытия,

Такие же как ты или как я.

Ответь мне, Брут, заточен ли клинок

Под грязную работу? Одинок

Ты в этой жизни, парень, и слюда

На крыльях порастрескалась – ни дать

Ни взять короста на прозрачной коже.

Он вас любил, любовь уже, быть может,

В душе его погасла насовсем,

Что, дай-то Бог, относится не к тем,

Кто видел суть, невидимую многим,

Кто был поэт и в то же время логик

И кто ченцом смиренным ожидал,

Что все вокруг сметет девятый вал

Или десятый, если верить грекам.

Ночь, улица, фонарь, канал, аптека –

Снесется все гигантскою волной,

Которая утащит за собой

И ненависть и страстное томленье.

Легко в бою, но тяжело в ученье,

Не так ли, Цезарь? Твой центурион

Напьется в стельку, потому что он

Привык к победам, а девятый вал

Непобедим. И Цезарь это знал,

Но знание унес с собой в могилу.

Центуриону все теперь не мило:

Он видит близкий идеальный шторм

И знает точно, кто придет потом,

Когда все кончится, на мокрые руины –

Наполовину бог, наполовину

Обычный смертный. Марс и Альтаир

Возлюбят этот обновленный мир...

ХЕЛЕНА АНДРЕЙЧИКОВА

Одного разу ми сидітиме поруч. Посправжньому. Оффлайн. Ніяких клятих дзвінків і навіть відеовітань. Від них вже нудить, як в дитинстві від вареної цибулі.

Зачекаю. Нудить, але зачекаю. Бо страшно, не коли чекаєш, а коли немає чого чекати (якби я знала у дитинстві, що Ремарк це не про минуле, а про майбутнє).

Ми сядимо поруч.

Чого ти тягнеш? Будь ласка, ближче. Ближче.

Ближче. Дай руку. Тепла. Ніжна. Коли я вперше тебе побачила, я весь час розглядала твої руки. Одразу зрозуміла, що я хочу їм довірятися, і не на один день.

Я буду її міцно тримати. Сильна рука. Але тендітна. І головне – реальна.

А моя рука потоне в твоїй геть.

Ми будемо мовчати. Так, так, як Іра і Кузьма. Мовчати, іноді дивитися один на одного. Іноді посміхатися. Хай за нас говорить море. Біля якого моря хочеш сидіти ти?

Я, звичайно, біля Чорного. Люто з лютого гадаю, де ж моя домівка. Чортзна. Зараз чортзна.

У «ЗЕЛЕНОЇ ЛАМПИ»

Хай будуть ці солоні хвилі моїм домом, одного разу я повернуся туди.

Але я згодна на будь-яке море зараз. Біле, жовте, червоне чи море твоїх мрій. Сидіти поряд із тобою і просто чути твій подих. Тихий, тихіше за вітер. Всі слова зайві, коли можна отак сидіти біля тебе. Бути біля твого життя. Не поспішати. Не метушитися. Не чекати тебе мільйони секунд. Як завжди кохати тебе.

Але.
Оффлайн.

АНАСТАСІЯ ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЄВА
СИНКВЕЙНИ

Молочник
Горластий, смелый
Увлеченный, крикнет,
явившийся
Во время воздушной тревоги
Работа

Мобильные
Новые, старые
Собрались зарядять
зачастившие
Ко мне ежечасно соседи
Дан свет

Герои

Бессмертные, книжные
Скучают, застывшие, растерялись
На фоне последних событий
Бедняги

Воспоминания

Ржавые, острые
Застряли, впившиеся, жалят
В темноте глубокими занозами
Спокойная ночь

Телевизор

Тихо, утробно
Рычит. Отчаялись, плачут
Кармелла с несчастной Розитой
Соседский уют

Джаз

Перламутровый, легкий
Играет. Успеваешь попасть
В синкопу уличное трио
Внезапно сирена

Воробей

Деловитый, встревоженный
Рискует замерзнуть, купаясь
В недавно подтаевшей луже
Все же весна.

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ЕВГЕНИЙ О НЕГЕ. МЫСЛЕФОРМЫ.

Один из важных принципов душевного здоровья – не воспринимать проблемы всего человечества как свои собственные.

Представьте себе, что вокруг вас стоят несколько сотен людей и громко говорят, рассказывают вам о том, что чаще всего интересно только им. Ужас, правда? Но ведь то же самое происходит с нами, когда мы листаем ленты соцсетей.

«Мир ловил меня, но не поймал»? Да просто потому, что во времена Сковороды было легче спрятаться от людей.

Всё, что нас окружает, непрестанно пытается отвлечь нас от главного – от самих себя.

Ненависть часто возникает от бессилия, сочувствие же всегда деятельно.

В каждый конкретный момент времени текущие проблемы кажутся нам самыми серьезными. Спустя время редко о каких из них вспоминаешь без улыбки.

Раньше нравы были крупными и хорошо заметными, нынче же они так измельчали, что с тру-